

УДК 63:54

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРЯНИШНИКОВ И “МИЧУРИНСКАЯ АГРОБИОЛОГИЯ” (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

© 2019 г. К. О. Россиянов

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
125315 Москва, ул. Балтийская, 14, Россия*

E-mail: rossianov@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2018 г.

После доработки 10.10.2018 г.

Принята к публикации 12.11.2018 г.

Проанализированы ранее не публиковавшиеся архивные документы, свидетельствующие об оценке Д.Н. Прянишниковым идей Т.Д. Лысенко и позволяющие по-новому взглянуть на причины возникновения “мичуринской агробиологии” в СССР. Рассматриваются представления Д.Н. Прянишникова о роли полевого опыта в агрономической и сельскохозяйственной науке, соотношении полевого и производственного опытов.

Ключевые слова: Д.Н. Прянишников, “Мичуринская агробиология”.

DOI: 10.1134/S0002188118120098

Дмитрий Николаевич Прянишников (1865–1948) известен не только благодаря выдающемуся вкладу в развитие агрохимии и физиологии растений, но и как организатор масштабных, научно выверенных полевых опытов. Начатая под его руководством еще до революции работа по изучению действия удобрений широко развернулась в 1920-е гг., когда Научным институтом по удобрениям была создана “географическая сеть” опытных участков и станций [1]. Конкретизированные для различных почвенно-климатических условий результаты составляли разительный контраст умозрительным построениям В.Р. Вильямса и сформулированной им универсальной схеме почвенного процесса. Обретя канонический статус, представления Вильямса стали частью созданной Т.Д. Лысенко “мичуринской агробиологии”, правильность идей которой доказывалась, согласно Лысенко, их практической действенностью. Если борьба Д.Н. Прянишникова против догматизма Вильямса и травопольной системы земледелия подробно освещена в биографических и историко-научных работах, в том числе на страницах “Агрохимии”, опубликовавшей ряд архивных документов ученого [2–4], то о его оценке агробиологии, критике оторванных от опыта практических начинаний Лысенко известно значительно меньше.

Критическая позиция Д.Н. Прянишникова представляется тем более важной, что, анализируя биологическую дискуссию в СССР, историки науки уделяли основное внимание теоретическим спорам между “мичуринцами” и генетиками, а не разногласиям между Лысенко и представителями агрономической науки и селекции, критиковавшими его практические предложения. Между тем апелляции Лысенко к практической значимости его идей определили ту поддержку, которую в 1930-е гг. оказывал ему Наркомат земледелия СССР. После войны опыты с ветвистой пшеницей, обещавшие согласно Лысенко, невиданный подъем урожайности, санкционировал непосредственно И.В. Сталин [5, 6]. Наконец, характер правки, которой Сталин подверг текст выступления Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ (1948 г.), свидетельствует о его убежденности в значении идей Лысенко для развития сельского хозяйства [7]. Несмотря на данные о том, что предложения Лысенко были либо не эффективными, либо не новыми, наиболее полно представленные в опубликованной в 1989 г. рукописи В.П. Эфроимсона [8], представление о практических достижениях Лысенко распространено до сих пор. Признавая теоретические ошибки “мичуринцев”, Л.А. Животовский усматривает заслугу Лысенко в создании агробиологии как практически ориентированной области знания [9].

Анализируемые в настоящей статье архивные материалы не только дополняют биографию Д.Н. Прянишникова, раскрывая важную и до сих пор не оцененную сторону его деятельности, но и позволяют лучше понять феномен агробиологии: использовавшийся Лысенко метод доказательства, призванный убедить в результативности его практических предложений и правильности теоретических идей, не выдерживал критики с позиций научно обоснованного полевого опыта, предполагающего постановку контрольных экспериментов и статистически корректную обработку результатов. Как доказательство своей правоты Лысенко использовал данные, полученные не на экспериментальных станциях и опытных полях, а в ходе “массовых опытов”, проводившихся непосредственно в колхозах и совхозах, в лучшем случае крестьянами-опытниками в так называемых “хатах-лабораториях”. Указания Д.Н. Прянишникова на порочность подобных испытаний, игнорирующих необходимую стадию опытной проверки, ставят под сомнение главное, на чем основывалась агробиология: “правильным” знанием признавалось практически эффективное, но ведь как раз эффективность не была и не могла быть доказана без научно строгой организации опытов. Архивные материалы Д.Н. Прянишникова представляют тем больший интерес, что выступить в печати с сомнениями в практической пользе идей Лысенко смогли лишь немногие из его современников. Основной массив документов, связанных с оценкой практического значения этих идей, остается в архивах и до сих пор не освоен историками науки.

Как можно судить по материалам хранящегося в архиве Российской Академии наук фонда Д.Н. Прянишникова, ученый впервые выступил с критикой Лысенко в 1936 или 1937 г. В недатированном письме в редакцию газеты “Правда” Д.Н. Прянишников характеризует утверждение газеты о том, что в ВАСХНИЛ к работам Лысенко относятся враждебно, как “возмутительное по своей лживости” – в действительности из Лысенко “сделали кумира и зажимали всякую критику” [10]. Именно в это время, в середине 1930-х гг., Лысенко вышел за рамки своих первоначальных исследований в области физиологии растений, выдвинув идею управления развитием растения и противопоставив ее генетике [11]. Дискуссия между сторонниками Лысенко и генетиками заняла основное место на состоявшейся в декабре 1936 г. 4-й сессии ВАСХНИЛ, но важно отметить, что и против конкретных практических предложений Лысенко выступили видные отечественные селекционеры: П.Н. Константинов, П.И. Лиси-

цын и А.П. Шехурдин. В частности, Лисицын предложил привлечь данные Государственной сортоиспытательной сети к оценке агроприема яровизации [12], который, согласно Лысенко, позволял существенно поднять урожайность при массовом применении к посевам зерновых культур. Необходимости проверки эффекта яровизации в различных климатических и агрономических условиях посвятил вскоре после сессии специальную публикацию П.Н. Константинов [13, 14]. В ответной статье Лысенко прозвучали отчетливо угрожающие ноты: в прошлом данные опытных станций не раз “сметались производственно-колхозной практикой”, при этом “сметались с поля научной деятельности и те, кто упорно настаивал и защищал такие данные” [15, с. 18].

С развернутой критикой практических предложений Т.Д. Лысенко Д.Н. Прянишников выступил в начале 1941 г. в письме, адресованном наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии, который был в это время также и заместителем председателя Совнаркома СССР [16]. Поводом к его написанию стал арест 6 августа 1941 г. ученика Д.Н. Прянишникова Н.И. Вавилова. Письмо было написано вскоре после личной встречи с Берией, во время которой академик Прянишников безуспешно, как покажет будущее, заступался за Н.И. Вавилова [17]. Возможно, добиваться аудиенций у Берии ученому помогал не только формальный статус академика ВАСХНИЛ и действительного члена АН СССР, но и то, что жена наркома Н.Т. Гегечкори работала в его лаборатории. Вторая такая встреча, во время которой ученый узнал о гибели Н.И. Вавилова, состоялась в конце 1943 г. В письме 1941 г. Д.Н. Прянишников призывает помочь развеять “вредные слухи о том, что арест Н.И. Вавилова и ряда его сотрудников каким-то образом связан с научными разногласиями между Н.И. Вавиловым и Т.Д. Лысенко” [16, л. 1]. Распространению слухов способствовало то, что аресту сотрудников Вавилова предшествовали столкновения со сторонниками Лысенко. Г.Д. Карпеченко арестовали после того, как он отказался согласиться с требованием ректора Ленинградского университета пересмотреть в духе идей Лысенко программу курса генетики; аресту Л.И. Говорова предшествовал конфликт с временным директором Всесоюзного института растениеводства (ВИР) сторонником Лысенко И.Г. Эйхфельдом, аресту Г.А. Левитского – конфликт с доцентом Б.Г. Поташниковой, “автором клеветнических статей против Карпеченко в местной прессе”. Наконец, “[Г.Н.] Шлыков (сотрудник ВИР’а, введенный туда Лысенко против воли Вавиловым) хвалился тем, что это он “посадил

Вавилова”, написавши на него донос, и что он этим гордится (а в доносе, по его словам, главным пунктом обвинения было, что Вавилов собрал около себя группу “реакционных” сотрудников, которые противодействовали “передовому” течению, возглавляемому Лысенко)” [16, л. 1 об.].

Приведенные в письме свидетельства о связи арестов с научными разногласиями настолько красноречивы, что их сложно считать просто “слухами”. Возможно, поэтому ученый обращается к развернутой характеристике идей Лысенко. В то же время критические суждения Д.Н. Прянишникова, содержащиеся в письме Берии, намного более радикальны и последовательны, чем было возможно в открытой печати тех лет. Отмечая, что теоретические взгляды Лысенко повторяют теории Ламарка и еще более давние представления натурфилософии, ученый подробно останавливается на “практических достижениях Т.Д. Лысенко” [16, л. 3]. Эта критика разрушает, как представляется, сам фундамент агробиологии: отсутствие корректно поставленных опытов явствует из разбираемого Д.Н. Прянишниковым конкретного примера. Предпосевная яровизация семян зерновых, проводившаяся в массовых масштабах ради повышения урожайности, была, пожалуй, одним из самых известных примеров “новаторства” Лысенко. Между тем Лысенко не смог учесть эффекта намачивания семян, происходившего в ходе яровизации, дифференцировав влияние намачивания от воздействия собственно яровизации — пребывания семян на холоде. Из письма Д.Н. Прянишникова мы впервые узнаем, что соответствующие опыты были уже в предвоенные годы поставлены на 50-ти экспериментальных станциях и оказалось, что в известных условиях “некоторый прирост урожая дает именно намачивание семян (хотя действие его несравнимо с действием удобрения), а яровизация не при чем” [16, л. 4]. Впоследствии сравнительные данные о влиянии намачивания семян и их охлаждения были подытожены И.М. Васильевым, работавшим в послевоенные годы в Институте физиологии растений АН СССР, и осенью 1947 г. их рассматривали на коллегии Министерства сельского хозяйства СССР, но они так и не были опубликованы [8].

Иллюзии о практических достижениях Лысенко, жертвой которых был в первую очередь он сам, объяснялись, по мнению Д.Н. Прянишникова, непониманием того, что для проверки тех или иных практических предложений необходимы контрольные опыты и правильная обработка полученных результатов. Вопросы о методике полевого опыта в рамках “мичуринской агробиоло-

гии” не возникало не столько из-за невежества или недобросовестности ее адептов, сколько из-за того, что вопрос этот не предполагался самой организацией массовых производственных опытов в колхозах и совхозах. От дела устраняли опытные станции, а связь с “практикой” осуществлялась благодаря рассылавшимся Наркоматом земледелия и его местными органами инструкциям и поступавшим от колхозов и совхозов анкетам, сообщавшим о результатах производственных опытов.

По свидетельству Д.Н. Прянишникова, в одной из таких анкет “говорилось, что яровизированные семена нужно посеять на “хорошо обработанном, чистом от сорных трав участке и хорошо ухаживать за посевами”; но не говорилось, что рядом (в пределах той же почвенной разности) нужно оставить такой же участок для контроля и так же за ним ухаживать. Поэтому колхозники, сравнивая хорошо обработанные участки с остальным полем, почти всегда получали плюс, который ошибочно относился за счет яровизации. Кроме того из многих тысяч инструкций и анкет возвращались назад очень немногие — ясно, что отвечали преимущественно те, у кого опыты были “удачными”, остальные предпочитали не сообщать о противоположных результатах” [16, л. 3].

Примечательно, что критиковавший Т.Д. Лысенко П.Н. Константинов, известный своим вкладом не только в селекцию зерновых культур, но и в теорию полевого опыта, надеялся на возможность сотрудничества с возникшим в 1920-е гг. движением “хат-лабораторий”, призывая в 1936 г. к тому, чтобы “учет производственного опыта” колхозов и совхозов происходил “под руководством опытных станций и сортоучастков, опираясь на хаты-лаборатории” [12, с. 201]. Как можно судить по письму Д.Н. Прянишникова 1941 г., у него подобных иллюзий не было: “массовые”, или стихийные опыты в колхозах рассматривались им лишь как источник неверных данных. Опыты, по мнению Д.Н. Прянишникова, можно производить и “на полях колхозов, но персоналом опытной станции, а не предоставленные самотеку, как это делает Лысенко.” В противном случае, если опыты ставятся крестьянами, а не агрономами, то они “обычно показывают все, чего желает заказчик опыта (и это даже без фальсификации, просто вследствие непонимания, как ставится настоящий опыт)” [16, л. 3 об.]. Например, в ходе испытания удобрений одна из опытных станций послала в колхозы “ради контроля” не удобрение, а белый кварцевый песок и получила ответ о значительном увеличении урожая.

В написанном позднее, 15 сентября 1944 г., письме в Бюро Биологического отделения АН СССР, Д.Н. Прянишников высказает свое отношение к самой идее агробиологии, претендующей быть особой отраслью знания, но в действительности представляющей собой лишь “элементарное, недифференцированное опытничество, не пользующееся никакой научной методикой, в том числе и правильной методикой полевого опыта, так как отсутствие повторности лишает полевой опыт всякой доказательности” [18, л. 2]. По-видимому, отношение Д.Н. Прянишникова к “массовым” опытам было близко мнению Н.Ф. Деревецкого, одного из самых авторитетных отечественных специалистов в области теории полевого опыта и статистической обработки его результатов. Возможность проведения в колхозах лишь достаточно простых экспериментов не означала, согласно Н.Ф. Деревецкому, ослабления требований к методике, — напротив, требования эти должны были соблюдаться “более тщательно, чем на полях опытных учреждений”, где возможные ошибки легче вовремя заметить и исправить [19, с. 277]. Неслучайно, образцом правильно поставленных производственных опытов, сопровождавшихся необходимыми контрольными экспериментами, стали для Н.Ф. Деревецкого испытания действия удобрений, организованные в 1948–1951 гг. Всесоюзным институтом удобрений и агропочвоведения и продолжавшие более ранние работы Д.Н. Прянишникова и его школы.

Возвращаясь к письму академика Прянишникова Берии, отметим, что не только яровизация, но и другие практические предложения демонстрировали, согласно Д.Н. Прянишникову, “полное незнакомство Лысенко с методикой полевого опыта” [16, л. 4 об.]. К ним, в частности, относилось предложение сеять клевер без покрова осенью, уже в 1941 г. предстояло осуществить посевы на 100 000 га, несмотря на то, что метод не был испробован на опытных участках. Очевидно, что упреки Д.Н. Прянишникова в отсутствии предварительной опытной проверки применимы и к более поздним планам Т.Д. Лысенко, как, например, к посевам озимой пшеницы по стерне яровой в Сибири, что, по оценке П.Н. Константинова, явилось “самым одиозным” из всех проектов Лысенко [20, с. 115]. В то же время Д.Н. Прянишников отмечал заслуги Лысенко в организации летних посадок картофеля в южных областях СССР, позволивших снизить риск поражения картофеля вирусными заболеваниями, хотя Лысенко отрицал вирусное происхождение этих болезней. Примечательно, что сам прием летних посадок был описан еще в 1863 г. французским агрономом

Адриеном де Гаспареном. По-видимому, это замечание Д.Н. Прянишникова можно отнести и к некоторым другим полезным нововведениям Лысенко, в частности, к посадке картофеля верхушками клубней. Но эти идеи, приносившие практическую пользу, не были новыми.

Однозначная оценка “мичуринской агробиологии” Д.Н. Прянишниковым, одним из наиболее авторитетных деятелей отечественной сельскохозяйственной науки, заставляет еще раз задуматься о причинах, создавших Т.Д. Лысенко репутацию новатора в глазах руководства страны. В значительной мере поддержка объяснялась разочарованием в работе созданной Н.И. Вавиловым и возглавлявшейся им до 1935 г. ВАСХНИЛ, отсутствие же должной практической отдачи было, по крайней мере, отчасти, обусловлено невосприимчивостью колхозов и совхозов к инновациям [11, 21, 22]. Неслучайно ученым предлагали самим добиваться внедрения своих изобретений в практику — характерно в этом отношении замечание наркома земледелия Р.И. Эйхе, адресованное академику М.М. Завадовскому на сессии ВАСХНИЛ в марте 1938 г.: “Вернее будет, если вы сами будете тащить... достижения до производства” [23, л. 48]. Наилучшие шансы приобретали в этой обстановке простые в своем осуществлении идеи, такие, как яровизация. Следует также отметить, что в конце 1930-х гг. и за пределами СССР первоначальные ожидания, связанные с применением методов генетики и современной биологии к селекции, сменились разочарованием, и лишь после Второй мировой войны ожидания стали оправдываться в ходе развернувшейся “зеленой революции”. Существенную роль сыграло и то, что нападки Лысенко на генетику отвлекли внимание современников от критических замечаний в адрес его собственных практических начинаний; сам же Лысенко далеко не всегда отвечал на подобные замечания, что можно рассматривать как тактический ход.

В то же время архивные документы Д.Н. Прянишникова позволяют связать “успех” агробиологии со своего рода упрощением агрономического образования, приспособлением его к узкопрактическим задачам. В письме, направленном в начале 1945 г. наркому земледелия СССР А.А. Андрееву, ученый пишет о “невероятном отсутствии образования” у Лысенко, которое “сам он совершенно не сознает”, поскольку “не прошел нормального курса высшей школы...” [24], хотя и окончил в 1925 г. Киевский сельскохозяйственный институт. Характерные для послереволюционного образования изъяны объясняют, по-видимому, и ту поддержку, которую Лысенко

смог найти среди молодого поколения агрономов и специалистов сельского хозяйства, мобилизовав настоящую армию последователей. Примечательно, что тенденция к массовости образования в ущерб его качеству не была абсолютно новой — еще до революции и в первые годы после нее Д.Н. Прянишников критиковал стремление к “фабричному производству агрономов”, ведущее в конечном итоге к “деградированию агрономической школы” [25, с. 8, с. 13; 26]. В представлении ученого образование не могло быть лишь обучением прикладной специальности, а агрономическая школа должна была оставаться “единой и цельной”, избегая опасностей “дезагрономизации” — специализации в ущерб общеагрономическому образованию, а также “денатурализации” — отрыва от основательного изучения естественнонаучных дисциплин [25, с. 12, 16]. Связь с естествознанием мыслилась им и как связь обучения с исследованием: только участвуя в проведении экспериментов, студенты могли овладеть методикой научно строгого опыта, в том числе полевого.

Отстаивая свои взгляды на организацию научных исследований и высшей школы, защищая преследуемых коллег в послереволюционные годы, Д.Н. Прянишников не раз совершал безоглядно смелые поступки. Согласно газете “Социалистическое земледелие”, на состоявшемся в ноябре 1937 г. заседании Секции агрохимии и почвоведения ВАСХНИЛ председательствовавший Д.Н. Прянишников “...всякий раз прерывал ораторов”, когда те “выходили за рамки чисто технических вопросов и касались подрывной работы врагов народа в области химизации земледелия”; согласно приведенному газетой утверждению Д.Н. Прянишникова, разоблачение врагов народа — не дело ученых [см. 2, с. 142–143]. В 1942 г. Д.Н. Прянишников выдвинул кандидатуру осужденного и находившегося в тюрьме Н.И. Вавилова на соискание Сталинской премии [27, с. 927]. С немалым риском было сопряжено и заступничество за Н.И. Вавилова перед Л.П. Берией: примечательно, что в начале 1939 г. имя Д.Н. Прянишникова упоминается в докладной записке заместителя Л.П. Берии Б.З. Кобулова “О борьбе реакционных ученых против академика Т.Д. Лысенко” [28, с. 288]. В то же время критика, которой Д.Н. Прянишников подверг идеи Лысенко и Вильямса, свидетельствует не только о его последовательности и смелости, но и позволяет понять важнейшую характерную черту агробиологии: ее представители не в состоянии были доказать практическую эффективность собственных идей, и, по-видимому, не могли даже этого осознать, хотя и нападали на генетику за ее “бесплодность”.

Парадокс инструментального, сугубо прагматического отношения к научному знанию заключался не только во вреде, который подобное отношение приносило фундаментальной науке, но и в забвении научно обоснованных критериев, применяемых к оценке собственно прикладных, ориентированных на практическую пользу исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петербургский А.В.* Дмитрий Николаевич Прянишников. Основные вехи творческой жизни // Дмитрий Николаевич Прянишников. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1972. С. 11–30.
2. *Медведев Ж.А.* Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.
3. *Прянишников Д.Н.* Как не следует вести дискуссию // Агрохимия. 1965. № 11. С. 92–96.
4. *Прянишников Д.Н.* О преподавании почвоведения // Там же. С. 96–99.
5. *Лысенко Т.Д.* Краткий отчет о работе с ветвистой пшеницей за 1948 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Фонд 8390. Описание 1. Дело 2283. Л. 77–84.
6. *Вавилов Ю.Н.* Обмен письмами между Т.Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. // Вопр. истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 153–166.
7. *Rossianov K.O.* Editing Nature: Joseph Stalin and the “New” Soviet Biology // ISIS. 1993. V. 84. № 4. P. 728–745.
8. *Эфроимсон В.П.* О Лысенко и лысенковщине // Вопр. истории естествознания и техники. 1989. № 1–4. С. 79–93, 132–147, 96–109, 100–112.
9. *Животовский Л.А.* Неизвестный Лысенко. М.: КМК Publishing, 2014. 120 с.
10. *Прянишников Д.Н.* Письмо [в редакцию газеты “Правда”] // Архив РАН. Фонд 632. Описание 3. Дело 63.
11. *Roll-Hansen N.* The Lysenko Effect: The Politics of Science. Amherst. N.Y.: Humanity Books, 2005. 335 p.
12. Спорные вопросы генетики и селекции: Работы IV сессии Академии 19–27 декабря 1936 г. / Отв. ред. Таргульян О.М. М.—Л.: Изд-во ВАСХНИЛ, 1937. 476 с.
13. *Константинов П.Н.* Уточнить яровизацию // Селекция и семеноводство. 1937. № 4. С. 12–17.
14. *Константинов П.Н., Лисицын П.И., Костов Д.* Несколько слов о работах Одесского института селекции и генетики // Социал. реконструкция сел. хоз-ва. 1936. № 11. С. 120–130.
15. *Лысенко Т.Д.* О каких “выводах” тревожится академик Константинов? // Селекция и семеноводство. 1937. № 5. С. 16–19.
16. *Прянишников Д.Н.* Письмо Л.П. Берии // Архив РАН. Фонд 632. Описание 4. Дело 4.
17. *Россиянов К.О.* Из истории борьбы академика Д.Н. Прянишникова за генетику // Репрессированная наука / Под ред. Ярошевского М.Г. Л.: Наука, 1991. С. 528–533.

18. *Прянишников Д.Н.* Письмо в Бюро Биологического отделения АН СССР // Архив РАН. Фонд 1521. Опись 1. Дело 289.
19. *Деревицкий Н.Ф.* Особенности методики полевых опытов в колхозах и совхозах // Полевой опыт / Под ред. Найдина П.Г. М.: Колос, 1968. С. 276–288.
20. *Есаков В., Иванова С., Левина Е.* Из истории борьбы с лысенковщиной // Изв. ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 109–121.
21. *Joravsky D.* The Lysenko Affair. Chicago: Chicago University Press, 1970. 459 p.
22. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Тенафлай: Эрмитаж, 1989. 706 с.
23. Стенограмма совещания академиков ВАСХНИЛ 15 марта 1938 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Фонд 8390. Опись 1. Дело 1133. Л. 42.
24. *Соловьев Ю.И.* Мужественная позиция академика Д.Н. Прянишникова // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 194–200.
25. *Прянишников Д.Н.* Агрономическая школа и политехнический строй. Петроград: Типограф. Министерства Земледелия, 1917. 19 с.
26. *Прянишников Д.Н.* Quo vadis, Academia? // Вестн. сел. хоз-ва. 1922. № 1. С. 10–14.
27. *Резник С.Е.* Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. 1056 с.
28. *Поповский М.А.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. 304 с.

Dmitrii Nikolaevich Prianishnikov and “Michurinist Agrobiology”: Presenting Unpublished Documents from Russian Archives

К. О. Россианов

*S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS
ul. Baltiiskaya 14, Moscow 125315, Russia
E-mail: rossiianov@yandex.ru*

The article examines the previously unpublished documents from the archival collection of Russian agrochemist and plant physiologist Dmitrii Prianishnikov. These documents provide new insights into the nature of “Michurinist agrobiology”, a branch of biological science that Russian agronomist Trofim Lysenko developed during the 1930 s., claiming its practical usefulness and superiority over the “fruitless” academic biology. A special stress is laid on Prianishnikov’s ideas about the role of field experiment in agriculture and its relationship to the so-called “mass experiment” as it was practiced in Soviet plant breeding during the 1930 s. and 1940 s.

Key words: Dmitrii Nikolaevich Prianishnikov, Michurinist agrobiology.